

Крестьяне-труженики... Крестьяне, пострадавшие только за то, что работали истово. И, сосланные, обездоленные, они продолжали трудиться не покладая рук, потому что не привыкли иначе...

В.Н Макшеев «Нарымская хроника»
1930-1945 Москва Русский путь 1997

Владимир Егорович Андрейчук. Воспоминания

«Родился я 01.03.1929г. в с. Кулаково, Яшкинского района, Кемеровской области. Село Кулаково - небольшое поселение, расположенное на правом берегу р. Томь в 70 км от г. Томска, выше по течению.

Мне, как и многим моим сверстникам, брошенным в омут сплошной коллективизации 1931 г., жернова которой со страшной силой прошли по нам, трудно считать её своей малой Родиной.

Свою родословную, к своему огорчению, знаю только в пределах родной бабушки по отцу, остальное - обрыв...

Со слов старших имею скромные сведения о том, что в 1912 году по Столыпинскому закону мой родной дедушка - Андрейчук Максим, в составе семьи из девяти человек, прибыл в Сибирь искать лучшей доли. На такое

переселение из Вилинской губернии (Литва), деревни Гребе, где они проживали, сподвигло отсутствие земельных наделов, без которых обеспечить содержание такой семьи в сельской местности было невозможно. Так дед Максим оказался в Томской губернии и поселился в п. Подосеновка (район п. Моряковка). Занимались заготовкой леса и дров, нанимали лошадей и возили продукцию на продажу в г. Томск.

Со временем прикупили лошадей, занялись раскорчёвкой леса под пашню, однако ручной труд на такой работе результатов не дал.

Дедушка вскоре умер. Причина неизвестна, но, наверное, не от хорошей жизни.

По воле рока оставшаяся за главу семейства бабушка Андрейчук Зинаида Петровна, выросшая в сельской местности, где лес только на картинке, понимала, что обеспечить семью может только за счёт сельского хозяйства, развить которое в Подосеновках условий нет, а выход искать надо.

Отправленные «ходоки» нашли удобное для жизни место, с. Кулаково, с наличием свободных земель, пригодных под пашни и сенокосные угодья. Затраты на обустройство посевного поля несомненно потребовались, но они были под силу, и семья приняла решение поставить здесь точку путешествию.

Как рассказывали - два ведра самогонного вина, выпитого на сходе, было достаточно, чтобы получить добро на поселение в этой деревне и земельный надел, который в те времена давался только мужскому полу. Так они начали жизнь с чистого листа, в составе:

- Андрейчук Зинаида Петровна - 1854 г.р.
- Андрейчук Ипполит Максимович - 18.. г.р.
- Андрейчук Таисья Максимовна - 188. г.р.
- Андрейчук Егор Максимович - 1888 г.р.
- Андрейчук Прокоп Максимович - 18.. г.р.

- Андрейчук Арсей Максимович - 18.. г.р.
- Андрейчук Мария Максимовна 18.. г.р.

Имена ещё двоих детей мне узнать пока не удалось.

Трудолюбие этих людей дало быстрый рост селу. Край посёлка, где им дали место под застройку, и сегодня зовут «Виленским». В 1948 году, когда я с сестрой Клавдией Ипполитовной впервые приехал в это село, край носил это название, но село умирало. Почему? Это впереди.

Все братья в 1931-м году были раскулачены и пущены по Сибири кто куда.

Встретиться им довелось только в 1946-м году, когда мой отец возвращался из армии, но далеко не все дожили до тех дней.

Так рассыпалась трудовая семья, которая могла на много больше принести пользы государству, если бы жила на месте.

Изучая дело отца - Андрейчука Егора Максимовича, в архиве г. Кемерово, нашёл единственную запись о месте его рождения - село Гребе, Вильнюсской губернии (Литва), национальность «поляк». Личное дело оформлено безграмотно и вызывает некоторые сомнения. Поляка я в нём не замечал, скорее, он «белорус».

Мои родители занимались сельским хозяйством, к чему приучали и нас, своих отпрысков. Крестьянский труд больших дивидендов не давал, так было всегда в России, так обстоят дела и сегодня, но прожиточный деревенский минимум обеспечивал, с учётом крайне малых запросов их обитателей. Царский режим позволял крестьянину, если любишь трудиться, неплохо кормить семью.

Не исключением была и наша семья, состоящая к 1931-му году из следующих членов:

- Андрейчук Егор Максимович - 1888 г.р.
- Андрейчук Анастасия Дмитриевна - 1898 г.р.
- Андрейчук Валентина Егоровна - 1921 г.р.

- Андрейчук Сергей Егорович - 1923 г.р.
- Андрейчук Римма Егоровна - 1924 г.р.
- Андрейчук Александр Егорович - 1926 г.р.
- Андрейчук Владимир Егорович - 1929 г.р.

Нелёгким трудом крестьянина родители создавали незначительные, но так необходимые материальные блага. Повседневные дела и заботы по хозяйству, обработки засеваемых полей, сама обстановка в селе не оставляли время на учёбу, да и, пожалуй, такого стремления и необходимости у большинства населения того времени не было. В результате отец был безграмотный, правда, отлично считал, а мама, она местный житель - сибирячка, русская женщина, закончила три класса церковно-приходской школы, хорошо пела и в деревне считалась довольно грамотным человеком.

Имея возраст 1,5-2 года от роду, я не мог знать подлинную картину повседневного бытия, интересы каждого, материальное положение. Родители впоследствии по этому поводу особенно не распространялись, а мы в достаточной мере, к сожалению, тоже интереса не проявляли, а сегодня восполнить этот пробел нигде.

Вот так и теряется родословная, и остаёмся без прошлого, изучаем его по учебникам истории, в которых вранья столько, на сколько таланта у составителя и заказчика истории. А взглянуть в истоки своего прошлого, своего происхождения хотя бы поколений на 5-10 назад, понять, кто ты, кому обязан своим появлением, почему это произошло именно так, а не иначе - ленимся.

Это непростительное разгильдяйство по отношению к своим предкам, а следовательно, и к себе, своим детям и внукам, настоящим спешу исправить, насколько это в моих силах. С учётом того, что до 17 лет я проживал в семье, по-прежнему занимающейся сельским хозяйством, воспитываясь в окружении ей подобных. Пробую мысленно понять жизнь нашей семьи до 1931 года. Од-

нако это делаю с позиций колхозного строя и немного капиталистического, на что удалось немного взглянуть изнутри.

Подошёл 1931 год, какой рок бросил страну, Матушку Россию, в чудовищный круговорот сплошной коллективизации села?

Не миновала эту чашу унижения бесправием, разграбления и наша семья, а мои родители испили её до дна.

Постановлением бедноты этой же деревни в мае 1931 года, а затем постановлением пятёрки уже района наша семья подверглась раскулачиванию и выселению в Нарымский край Томской области. Солнечным майским днём 1931 года на повозке в одну лошадь, разрешили взять коня, т.к. дети идти не могли, погрузив разрешённый скудный скарб, в сопровождении конвоя, как злейших врагов страны Советов, по расхристанной грунтовой дороге, отправили в г. Томск, где находился пересыльный пункт.

Нетрудно представить: весна, вокруг возвращалась после долгой зимней спячки жизнь, просыпалась природа, зашумели ручьи, во всю расцвели подснежники, крутили свои любовные хороводы звери и птицы, приятно, по-весеннему шумел сибирский лес. А что люди? Как ни странно, лишь люди, высшее создание всего живого на земле, не находили покоя.

Гомо сапиенс, не ведаешь, что творишь! И всё это под неусыпным оком Всевышнего. Невольно задаёшься вопросом, да есть ли ОН?

Мама была глубоко верующим человеком, даже в самую лихую годину не забывала Бога, была беззаветно предана Ему, нас старалась воспитать в этом же духе. Так почему он допустил такой произвол, подверг своих подданных жесточайшему испытанию на выносливость. Кто даст ответ?

В июне 1931 года, после длительного мытарства, нас погрузили на баржу и отправили вниз по р. Обь, в Каргасокский район, за 500 км от г. Томска, в составе 100 семей, таких же обездоленных

и униженных. Дальше по р. Васюган, и через 40 км от устья высадили на необжитой берег.

Поселение нарекли п. Новоюгино. Баржа поплыла дальше вверх по р. Васюган, продолжая разбрасывать горемычных переселенцев на никем не изведанные места по берегам реки, закрепляя все души под недремлющее око спецкомендатуры.

Жизнь переселенцев на Васюгане довольно полно и красочно описал хлебнувший всех её «прелестей» писатель - томич Вадим Макшеев. Раскулачивание, переселение, обустройство и жизнь в Нарымском крае, если это можно назвать жизнью, обернулись для нашей семьи очень дорогими потерями. Я не имею ввиду материальные потери: дом, скот и пр. хозяйство. Не враз, но постепенно, хотя и каторжным трудом, мы «на ноги» встали, так что Бог с ним, с этим скарбом.

Мы понесли безвозвратные потери. Голод и холод на Васюганье сделали своё дело:

- в 1933-м году от истощения ушёл из жизни Александр,
- в 1934 году с этим же диагнозом умерла Римма,

Тяжелейшие испытания голодом, холодом, бесправием, непосильным физическим трудом, голодной смертью детей легли на плечи родителей.

Нам, моим сверстникам - пацанам, было проще, мы не понимали происходящего варварства вокруг нас, не воспринимали заботы и боль родителей. Мы жили в своём, детском мире - босые, голодные, но радостные, что живём, растём, дышим, и считали, что так и должно быть, потому что по-другому быть не может. Мы были все равные среди равных, жили в замкнутом мире, не ведая, что где-то есть радио, электричество, что где-то ходят поезда, летают самолёты, даже есть театры и кино.

Всё это нам предстояло узнать, прокрутить через извилины и определиться в дальнейшей жизни.

Отмечено, что дети всего мира плачут на одном языке. Можно добавить, что, имея разные материальные возможности, они радуются тоже на одном языке. Они - ДЕТИ. Этим всё сказано.

Но когда-то всё кончается. С завершением учёбы в Каргасокской средней школе закончилось и моё отрочество.

Пора было взрослеть, чему способствовала Отечественная война 1941-1945 г.г...»